- ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО-

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.04.2026 г.
Дата принятия рукописи в печать: 03.05.2026 г.
DOI: 10.24412/2782-3830-2026-4-325-335

ГУРЧИАНИ Илья Зурабович,
аспирант 3 курса Юридического института
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
г. Санкт-Петербург,
e-mail: gurcianiila@gmail.com

МЕХАНИЗМ ДЕЙСТВИЯ И ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ЭСТОППЕЛЬ В РОССИЙСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

Аннотация. *В статье исследуется механизм действия и пределы применения эстоппеля в российском гражданском праве как функционального проявления принципа добросовестности, направленного на охрану доверия и устойчивости гражданского оборота. Обосновывается, что эстоппель выступает не самостоятельным источником обязательства, а инструментом ретроспективного контроля последовательности поведения, препятствующим недобросовестной смене правовой позиции при наличии сформированных разумных ожиданий контрагента. Раскрывается структурная модель применения эстоппеля через взаимосвязанные элементы: поведение, способное породить доверие, обоснованность и разумность такого доверия, причинная связь между изменением позиции и нарушением ожиданий, а также критерий несправедливости как аксиологический фильтр допустимости ограничения субъективного права. Определяются ключевые пределы действия эстоппеля, связанные с императивными нормами, публичными интересами и защитой прав третьих лиц, а также с требованием активной добросовестности доверившейся стороны и оценкой временного фактора. Делается вывод о том, что российская модель эстоппеля имеет преимущественно материально-правовую направленность и функционирует как механизм внутреннего самоограничения автономии воли в целях обеспечения предсказуемости и когерентности частноправовых связей.*

Ключевые слова: *эстоппель; добросовестность; запрет противоречивого поведения (venire contra factum proprium); доверие; разумные ожидания; устойчивость гражданского оборота; ретроспективный контроль; злоупотребление правом; пределы осуществления гражданских прав.*

GURCHIANI Ilya Zurabovich,
3rd-year postgraduate student, Law Institute,
Saint Petersburg University of Management
Technologies and Economics,
Saint Petersburg, Russia

THE MECHANISM OF ACTION AND THE LIMITS OF APPLICATION OF THE ESTOPPEL PRINCIPLE IN RUSSIAN CIVIL LAW

Annotation. *The article examines the mechanism of action and limits of estoppel application in Russian civil law as a functional phenomenon of the principle of good faith aimed at protecting trust and stability of civil turnover. It is proved that estoppel is not an independent source of obligation, but a tool for retroactive control of the sequence of behavior, preventing an unfair change of legal position in the presence of reasonable expectations of the counterparty. The structural model of estoppel application is revealed through interrelated elements: behavior capable of generating*

trust, the validity and reasonableness of such trust, the causal relationship between a change in position and a violation of expectations, as well as the criterion of unreasonableness as an axiological filter for the permissibility of limiting subjective law. The key limits of estoppel are determined, related to mandatory norms, public interests and the protection of the rights of third parties, as well as the requirement of active good faith of the trusted party and the assessment of the time factor. It is concluded that the Russian estoppel model has a predominantly substantive and legal orientation and functions as a mechanism of internal self-limitation of the autonomy of the will in order to ensure the predictability and coherence of private legal relations.

Key words: *estoppel; good faith; prohibition of contradictory behavior (venire contra factum proprium); trust; reasonable expectations; sustainability of civil turnover; retrospective control; abuse of law; limits of the exercise of civil rights.*

Введение

Принцип эстоппель, закрепленный в российском гражданском правопорядке в форме ряда норм и выведенный из общего начала добросовестности, приобретает особое значение на уровне его практического действия – в тех пределах, где формируется и реализуется доверие участников гражданского оборота. Если в нормативно-доктринальной плоскости эстоппель выступает как концептуальная производная от принципа добросовестности, то в материальном контексте он превращается в инструмент, регулирующий фактическое поведение сторон в конкретных правоотношениях, когда действие не ограничивается моментом заключения сделки, а распространяется на весь жизненный цикл обязательства, формируя ожидания, ограничивая изменение позиции и обеспечивая устойчивость правовой связи. Таким образом, условия, пределы и механизм действия эстоппеля следует рассматривать не как изолированные стадии, а как взаимосвязанные элементы единой функциональной модели, направленной на сохранение внутренней согласованности гражданского оборота.

Материалы и методы

Материалами настоящего исследования выступили положения Гражданского кодекса Российской Федерации, судебная практика судов общей юрисдикции и арбитражных судов, а также доктринальные источники, посвященные принципу добросовестности, запрету противоречивого поведения, защите доверия и пределам осуществления гражданских прав. Эмпирическую основу исследования составили судебные акты, в которых раскрываются условия применения эстоппеля, его материально-правовая и процессуальная направленность, а также пределы действия, связанные с императивными нормами, публичными интересами, правами третьих лиц, временным фактором и требованием добросовестности доверившейся стороны. Теоретическую основу составили труды отечественных авторов, посвященные природе эстоппеля, его соотношению с конклюдентными действиями, злоупотреблением правом, преклюзией и принципом справедливости.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, функциональный и метод анализа судебной практики. Формально-юридический метод использовался для выявления нормативных оснований применения эстоппеля в российском гражданском праве и определения его связи с положениями о добросовестности, недопустимости злоупотребления правом и пределах осуществления гражданских прав. Системный метод позволил рассмотреть эстоппель как элемент общей структуры частноправового регулирования и установить его место в механизме обеспечения устойчивости гражданского оборота. Функциональный метод применялся для исследования того, каким образом последовательность поведения стороны трансформируется в юридически значимый предел последующего изменения ее позиции. Анализ судебной практики позволил проследить, как указанные положения реализуются в конкретных спорах и какие критерии используются судами при оценке доверия, разумных ожиданий, причинной связи и справедливости ограничения субъективного права.

Исследование построено на сочетании доктринального и правоприменительного подходов. Это позволило рассмотреть эстоппель не только как производную от принципа добросовестности, но и как действующий механизм ретроспективного контроля последовательности поведения в конкретных правоотношениях. Такой подход дал возможность выявить структурную модель действия эстоппеля в российском гражданском праве, определить ее ключевые элементы и показать пределы применения данного принципа в условиях соотношения частной автономии, законности и защиты доверия.

Литературный обзор

Первое условие реализации принципа эстоппель – наличие поведения, способного породить у другой стороны доверие. Данное поведение может выражаться как в активных действиях (заявлениях, исполнении, акцепте

оферты), так и в пассивной форме (воздержании от возражений, умолчании при очевидной необходимости заявить позицию), причем его юридическая природа двойственна: с одной стороны, оно имеет характеристику фактического действия, с другой – обладает нормативной нагрузкой, поскольку создает у другой стороны разумные ожидания. В отечественной цивилистике данное явление иногда ошибочно приравнивают к конклюдентным действиям, однако, как справедливо указывает А.И. Сорокин, конклюдентные действия направлены на возникновение обязательства, в то время как поведение, образующее эстоппель, выступает ретроспективным элементом, формирующим рамки для интерпретации уже совершенных актов воли [9]. Следовательно, эстоппель не создает новое правоотношение, но корректирует траекторию существующего, защищая доверие, возникшее на основе действий одной из сторон.

Обращаясь к правоприменительной практике выделим, например, Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.02.2023 по делу №А82-2742/2021, которое наглядно демонстрирует, как пассивное поведение способно породить доверие. Согласно материалам дела, ТСН «Деревенька» предъявила негаторный иск о демонтаже опор ЛЭП, однако суд установил, что ранее истец заключил договор о сотрудничестве по содержанию этих сетей, участвовал в межевании территории без возражений против расположения опор и допускал регистрацию охранных зон. Такое последовательное поведение в течение длительного времени сформировало у ответчика и третьих лиц разумную уверенность в правомерности сложившегося порядка. Суд отказал в иске, применив эстоппель, поскольку последующая попытка оспорить ранее молчаливо принятые условия была квалифицирована как недобросовестное и противоречивое поведение.

Второе условие действия эстоппеля – обоснованность и разумность сформировавшегося доверия. Как подчеркивают Т.Н. Бурибаев и А.А. Гачина, доверие, не имеющее под собой рациональной основы, не может претендовать на юридическую защиту, поскольку право защищает не всякое ожидание, а только то, которое имеет характер правомерного и оправданного поведения [1]. Таким образом, при квалификации ситуации как эстоппель суд должен установить не только факт формирования доверия, но и его связь с объективными обстоятельствами: наличием устойчивой правовой позиции стороны, неизменностью ее поведения, подтверждением этой позиции документами или действиями. При этом обоснованность доверия оценивается через призму поведения разумного участника гражданского оборота, что прямо вытекает из требований п.3 ст.1 и п.1 ст.10 ГК РФ.

Так, например, в апелляционном определении Воронежского областного суда от 16.10.2025 по делу №33-5792/2025 доверие кредитора было признано полностью обоснованным. Согласно материалам дела, гражданка Пугачева Н.С., оформив кредит через онлайн-систему банка, в течение пяти месяцев исправно вносила платежи и использовала заемные средства. Суд указал, что такое активное и длительное исполнение обязательств объективно порождало у банка разумное ожидание действительности сделки и добросовестности заемщика, тогда как последующее требование истицы о признании договора недействительным было расценено как злоупотребление правом, а ее ссылки на мошенничество – несостоятельными, поскольку ее собственные действия создали юридически значимую видимость легитимности отношений.

Третьим необходимым элементом является причинная связь между поведением стороны, на которую впоследствии ссылаются, и ущербом (материальным или нематериальным), понесенным доверившейся стороной. Применительно к эстоппелю причинная связь имеет иную направленность, чем в классических деликтных конструкциях: она носит не внешне-причинный, а внутренне-регулятивный характер, то есть речь идет не о причинении вреда, а о нарушении доверия как самостоятельной ценности частного права. В данном аспекте А.В. Яхимович подчеркивает, что нарушение последовательности поведения не всегда выражается в прямых убытках, но неизбежно приводит к подрыву предсказуемости, что само по себе является формой гражданско-правового ущерба [15]. Таким образом, причинная связь при эстоппеле выражается в зависимости между нарушением последовательности и разрушением разумных ожиданий другой стороны, что дает основание для отказа в защите прав лица, изменившего свою позицию.

Следует отметить, что добросовестность, как общий критерий поведения участников гражданского оборота, играет двойственную роль, одновременно выступая как предпосылкой так и ограничителем применения эстоппеля. Если добросовестность доверившейся стороны отсутствует, принцип не действует, поскольку его охранительная функция направлена исключительно на защиту оправданных ожиданий, однако если недобросовестность обнаружена в поведении лица, изменившего позицию, эстоппель приобретает охранительный характер, превращаясь в барьер для реализации субъективного права [11]. В данном контексте можно говорить о своео-

бразной дуалистической природе добросовестности, которая служит основанием возникновения доверия и критерием допустимости ограничения прав, и именно такая конструкция прослеживается в п.5 ст.166 ГК РФ, где закреплено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если лицо действует недобросовестно.

Данная норма воплощает механизм «обратной причинности»: поведение в прошлом определяет правовые последствия в настоящем, а недобросовестное изменение позиции блокирует реализацию права [14]. Таким образом, принцип эстоппель функционирует как механизм ретроспективного контроля за реализацией воли, оценивая не формальное содержание права, а контекст его осуществления – соответствие поведения лица разумным ожиданиям другой стороны. Применительно к сделкам это означает, что сторона, давшая основания полагать, что она признает сделку действительной, не может впоследствии ссылаться на ее недействительность.

Так применение эстоппеля против попытки использовать институт недействительности сделок в корыстных целях демонстрирует, например, Решение Горно-Алтайского городского суда от 22.10.2025 по делу № 2-1908/2025. Согласно материалам дела, единственный участник и директор ООО «ОНИКС» последовательно оформил взаимные сделки купли-продажи квартиры с обществом, подписывая документы в обоих качествах, а после налоговой проверки и доначислений потребовал признать данные сделки мнимыми. Суд отказал в иске, указав, что лицо, сознательно создавшее правовую схему и извлекавшее из нее выгоды, не может затем ссылаться на ее мнимость для избежания негативных последствий. Поведение истца было квалифицировано как злоупотребление правом, а эстоппель заблокировал возможность ретроспективного пересмотра юридической судьбы сделки.

В судебной практике данная логика прослеживается в делах, где суды указывают, что подписание актов приема-передачи, частичное исполнение обязательств или длительное пользование результатом сделки исключают возможность последующего оспаривания ее действительности. Яркой иллюстрацией ретроспективного контроля выступает апелляционное определение Кемеровского областного суда от 30.10.2025 по делу №33-8337/2025. При рассмотрении спора о безденежности расписки суд установил, что в предыдущем судебном процессе представитель ответчицы активно поддерживал встречный иск и признавал факт получения денежных средств по оспариваемой сделке. Суд квалифицировал последующее отрицание данного факта той же стороной как недопустимое противоречивое поведение (venire contra factum proprium). Прошлые процессуальные действия стороны были использованы как юридический факт, запрещающий ответчице занимать противоположную позицию в новом деле, что непосредственно реализует механизм «обратной причинности».

Четвертое условие применения эстоппеля связано с элементом несправедливости, возникающим при отступлении стороны от ранее выраженной позиции. Справедливость, как отмечает И.А. Дубинина, выступает аксиологическим критерием допустимости применения принципа: эстоппель используется только тогда, когда изменение поведения приводит к очевидному дисбалансу интересов. Данная категория позволяет отличить эстоппель от простого несогласия или пересмотра позиции, и если изменение позиции вызвано объективными обстоятельствами (например, существенным изменением условий обязательства или обнаружением обстоятельств, которые не могли быть известны ранее), эстоппель не применяется, поскольку отсутствует элемент злоупотребления доверием [3]. В этом заключается предел действия эстоппеля: принцип не препятствует добросовестному уточнению позиции, а лишь блокирует произвольное ее изменение.

Важно подчеркнуть, что российская модель эстоппеля оперирует не только категорией «доверия», но и понятием «разумной предсказуемости». В отличие от англосаксонской системы, где эстоппель традиционно опирается на идею полагания на заверения другой стороны (reliance), в российском праве доминирует идея стабильности отношений. Иными словами, если в праве общего права ключевым элементом является причинение ущерба в результате доверия, то в отечественной системе основным последствием является нарушение правовой устойчивости. Данный сдвиг отражает специфику отечественного гражданского права, где приоритет отдается сохранению баланса интересов и предсказуемости, а не компенсации потерь.

Содержание эстоппеля также предполагает, что доверие должно быть порождено действиями самой стороны, а не внешними обстоятельствами, в чем заключается отличие правового доверия от фактической уверенности. Суды исходят из того, что принцип может быть применен только в отношении поведения, имевшего адресный характер и способного вызвать у другой стороны ожидание определенного результата: например, если сторона подписывает дополнительное соглашение или неоднократно подтверждает действительность договора, она формирует юридическую основу для защиты доверия другой стороны, и, напротив, если ожидания сформирова-

лись на основании ошибочного толкования или предположений, принцип эстоппель не действует, поскольку отсутствует элемент вмененного поведения.

Наконец, пятое условие – отсутствие публично-правовых и императивных ограничений. Эстоппель не может применяться в тех случаях, когда его использование вступает в противоречие с публичными интересами, императивными нормами или правами третьих лиц, и данное ограничение имеет решающее значение для сохранения системного баланса между автономией воли и законностью. В российской доктрине данный аспект развивает, например, И.А. Тарасов, подчеркивая, что эстоппель не может служить прикрытием для сделок, противоречащих закону, и не применяется в случаях, когда поведение стороны влечет нарушение норм публичного порядка [12]. Таким образом, граница действия принципа совпадает с границей допустимого частного усмотрения: в тех сферах, где воля участников ограничена императивом публичного интереса, эстоппель теряет свое правовое значение.

Результаты

В совокупности данные условия образуют структурную модель действия принципа эстоппель, в которой центральное место занимает доверие как юридически значимая категория, соединяя добросовестность и справедливость, выступая «мостом» между этикой поведения и правовой ответственностью. Российский гражданский правопорядок, закрепив эстоппель в ряде норм и судебных позиций, тем самым признал доверие самостоятельной ценностью, подлежащей охране. Если классическое гражданское право защищало волю и ее внешнее выражение, то современное гражданское право через эстоппель защищает ожидания и их добросовестное формирование.

Пределы действия принципа эстоппель в гражданском праве формируются как результат поиска равновесия между свободой усмотрения участника оборота и необходимостью защиты устойчивости правовых связей. Любая система частного права, основанная на автономии воли, требует механизмов самоограничения, предотвращающих разрушение доверия, но не нарушающих при этом свободу субъекта. Эстоппель представляет собой именно такой механизм – не внешнее регулирование, а внутреннее ограничение права, вытекающее из логики самого гражданского оборота, вследствие чего пределы очерчиваются не столько законодательным текстом, сколько судебным усмотрением, опирающимся на принципы добросовестности, разумности и справедливости. Данные пределы определяют, где заканчивается допустимая коррекция поведения и начинается злоупотребление правом, а также где защита доверия переходит в санкцию за недобросовестность.

Наиболее очевидным пределом действия эстоппеля является невозможность его применения вопреки императивным нормам закона. Так, ст.1 ГК РФ закрепляет сочетание принципа свободы договора с ограничениями, установленными законом, а ст.10 ГК РФ прямо запрещает осуществление гражданских прав в противоречии с их назначением, следовательно, эстоппель не может легализовать действия, противоречащие публичному порядку, даже если они создавали у контрагента устойчивое доверие. Как отмечают Т.Н. Бурибаев и А.А. Гачина, доверие как категория частного права всегда коррелирует с правомерностью поведения, его порождающего. Нельзя полагаться на недействительное поведение, а потому принцип эстоппель неприменим, если основанием доверия служат действия, нарушающие императивные запреты или осуществленные при отсутствии правосубъектности [1].

Пределом выступает также наличие противоречия между интересами сторон и публичным интересом. Российская судебная практика показывает, что эстоппель не может применяться, если его реализация приведет к нарушению прав третьих лиц или к ущемлению экономической стабильности участников рынка. Например, в делах о банкротстве суды последовательно указывают, что поведение должника, даже если оно формировало доверие у контрагента, не освобождает последнего от соблюдения императивных правил очередности удовлетворения требований, и эстоппель в таких случаях отступает перед публичным интересом в равенстве кредиторов [13]. Тем самым правопорядок проводит линию разграничения: принцип доверия защищается, пока не вступает в конфликт с принципом законности.

Другой существенный предел – ситуация, в которой доверие сформировалось вследствие ошибки или недосмотра. Судебная практика и доктрина исходят из того, что защита ожиданий возможна лишь при условии их добросовестного возникновения. Если доверившаяся сторона знала или должна была знать о фактическом несоответствии позиции контрагента реальному состоянию дел, применение эстоппеля исключается. Как отмечает А.В. Яхимович, «добросовестность доверившейся стороны должна быть активной», то есть выражаться в проявлении разумной осмотрительности и минимальных усилий по проверке оснований доверия [16]. Таким образом,

эстоппель не может служить щитом для небрежности: защита основана на активной добросовестной, а не пассивной позиции.

Так, например, значение активной добросовестности подчеркивает Апелляционное определение Кемеровского областного суда от 02.10.2025 по делу № 33-7918/2025. Согласно материалам дела, истец просил признать мнимой сделку купли-продажи квартиры, ссылаясь на отсутствие расчетов, но при этом сам действовал как собственник – переоформил лицевой счет, вступил в спор с администрацией о выкупной цене. Суд отказал в признании сделки мнимой, применив эстоппель: поведение истца, подтверждавшего сделку во внешних отношениях, лишало его права ссылаться на ее недействительность во взаимоотношениях с контрагентом. Доверие продавца к тому, что истец признает себя собственником, было признано обоснованным.

Пределы действия принципа можно рассматривать и с точки зрения времени. Российское гражданское право не знает понятия «разумного срока» в контексте эстоппеля, однако суды фактически применяют данный критерий, оценивая, насколько быстро сторона отреагировала на изменение обстоятельств. Ю.А. Сорокина справедливо связывает эстоппель с категорией разумного срока, полагая, что промедление с реализацией права само по себе может восприниматься как подтверждение признания его действия [10]. Так, сторона, длительное время исполнявшая договор и не заявлявшая возражений, теряет возможность ссылаться на его недействительность. Временной фактор придает эстоппелю черты процессуальной преклюзии [2], хотя по сути речь идет о материальном ограничении свободы поведения.

В правоприменительной практике значение временного фактора в формировании эстоппеля показывает, например, Апелляционное определение Ростовского областного суда от 07.10.2025 по делу № 33-14730/2025. Согласно материалам дела, соседи 21 мая 2017 г. заключили письменное соглашение об изменении порядка пользования смежными земельными участками, которое было фактически исполнено обеими сторонами, однако спустя несколько лет один из соседей (истец) обратился в суд, требуя восстановить прежний порядок. Суд отказал в удовлетворении иска, применив эстоппель и подчеркнув, что длительное принятие нового порядка пользования и отсутствие возражений в течение многих лет создали у ответчика устойчивое доверие к сохранению сложившегося положения, а запоздалая попытка вернуть первоначальные условия была признана недобросовестной.

Особое место среди пределов занимает соотношение эстоппеля с принципом автономии воли, лежащим в основе гражданского права, который допускает возможность свободного изменения позиции, пересмотра договорных условий, отказа от прав, если это не противоречит закону. Эстоппель вмешивается в данную свободу, однако не аннулирует ее, а лишь фиксирует момент, после которого изменение позиции становится юридически неприемлемым. Иначе говоря, принцип эстоппель не запрещает передумать, однако ограничивает произвольность перемены воли, если она разрушает доверие, в чем проявляется его ценностный баланс – сочетание свободы и ответственности.

На уровне доктрины данное равновесие ярко выражено в концепции «предела добросовестного самоограничения», которая исходит из того, что эстоппель не является навязанным ограничением, а представляет собой добровольное самоограничение стороны, проявляющей уважение к собственному поведению [6]. Данное самоограничение корреспондирует идее внутренней согласованности правосубъектности: субъект не может одновременно утверждать и отрицать одно и то же юридическое обстоятельство. Данная конструкция восходит к римскому принципу «nemo contra factum proprium venire potest» (с лат. «никто не может действовать против своего собственного поступка»), переосмысленному в современной российской доктрине как морально-правовой императив согласованности.

Эстоппель не может применяться и в тех случаях, когда поведение стороны обусловлено вынужденными обстоятельствами, например необходимостью исполнения публичных обязанностей или действиями под влиянием угрозы – в таких ситуациях сохраняется пространство для пересмотра позиции без утраты права на возражение. Правоприменитель исходит из того, что если лицо объективно не могло предвидеть последствий своих действий или действовало под давлением, его последующее изменение позиции не рассматривается как противоречивое. Так, предел действия принципа очерчивается не только внешними запретами, но и внутренними обстоятельствами формирования воли.

Нельзя не отметить и пределы институционального характера. Эстоппель не может использоваться как универсальное средство защиты от всех форм недобросовестности, поскольку он направлен на устранение противоречивости, не заменяя при этом институты недействительности сделок, реституции или возмещения вреда. По нашему мнению, попытка расширить сферу принципа эстоппель до уровня общего деликта доверия чревата размыванием критериев правовой

определенности. Как справедливо указывает Р.Е. Коренченко, избыточное применение эстоппеля превращает его из инструмента стабилизации оборота в средство неопределенности, поскольку каждая сторона начинает оценивать риск утраты права не по закону, а по субъективному восприятию справедливости [5], следовательно, пределом принципа является его собственная функция – поддержание, а не разрушение устойчивости.

Применительно к гражданскому праву пределы действия эстоппеля также проявляются в различии между материальной и процессуальной его природой. Материальный эстоппель направлен на защиту доверия в рамках сделки или обязательства, процессуальный же регулирует поведение сторон в процессе доказывания, вследствие чего перенос стандартов процессуального эстоппеля в материально-правовую сферу недопустим, поскольку это приводит к отождествлению процессуальной преклюзии с ограничением субъективного права. В материальном праве эстоппель имеет не доказательственное, а охранительное значение, и потому не может рассматриваться как санкция в процессуальном смысле.

Обращаясь к правоприменительной практике можно выделить Апелляционное определение Новосибирского областного суда от 16.10.2025 по делу №33-8103/2025, в котором прямо разграничивается материально-правовой и процессуальный эстоппель. Так, по делу о взыскании страхового возмещения компания-ответчик до вынесения решения добровольно произвела часть выплаты, тем самым признав обоснованность требований, однако в апелляции та же компания стала оспаривать сам факт нарушения и правильность расчетов. Суд апелляционной инстанции отклонил данные доводы, указав на нарушение принципа процессуального эстоппеля: сторона, признавшая факт добровольным исполнением, лишается права в последующем судебном процессе занимать противоположную позицию, что предотвращает злоупотребление процессуальными правами и обеспечивает стабильность процесса.

Еще один аспект процессуального эстоппеля, направленный на предотвращение злоупотреблений непосредственно в ходе судебного разбирательства, раскрывает Апелляционное определение Тверского областного суда от 30.09.2025 по делу №33-3248/2025. По иску о взыскании средств за несостоявшийся тур ответчик (туроператор) в первой инстанции утверждал, что удержанная сумма представляет собой стоимость полного пансиона за весь период, однако в апелляции, не меняя размера этой суммы, стал настаивать, что она покрывает лишь стоимость проживания за часть срока. Суд апелляционной инстанции квалифицировал такие действия как недобросовестное процессуальное поведение, приводящее к утрате права на возражения. Кардинальное изменение объяснения одной и той же суммы без объективных причин, направленное на усложнение процесса и введение суда в заблуждение, было расценено как нарушение принципа процессуальной последовательности (venire contra factum proprium). Данный пример показывает, что эстоппель служит не только защите доверия контрагента, но и обеспечивает чистоту, предсказуемость и эффективность самого отправления правосудия, ограничивая возможности недобросовестного маневрирования процессуальными позициями.

В данной связи показательна позиция К.В. Нама, который подчеркивал, что ограничение права через эстоппель допустимо лишь тогда, когда поведение стороны выходит за пределы нормальной реализации права и приобретает признаки противоречивости, подрывающей доверие [6]. Такой подход позволяет отделить эстоппель от злоупотребления правом, сохранив его автономную нормативную функцию. Эстоппель действует превентивно, предотвращая возникновение конфликта, тогда как злоупотребление устраняет последствия уже совершенного нарушения.

Таким образом, пределы действия принципа эстоппель очерчиваются тремя основными векторами: законностью, добросовестностью и справедливостью. Законность устанавливает внешние рамки, добросовестность определяет субъективную меру поведения, а справедливость обеспечивает аксиологическую корректировку между ними, и именно три этих вектора создают динамическое равновесие, в котором эстоппель выступает как средство гармонизации частной инициативы и правопорядка. Эстоппель не блокирует волю субъекта, а связывает ее с ответственностью за предсказуемость последствий.

Предел действия эстоппеля, связанный с добросовестностью демонстрирует, например, Апелляционное определение Свердловского областного суда от 15.10.2025 по делу №33-13611/2025. Согласно материалам дела ответчики пытались применить эстоппель против истицы, утверждая, что она сама согласилась на фиктивную регистрацию автомобиля на другое лицо, однако суд отклонил данный довод, указав, что эстоппель не может служить защите изначально недобросовестной схемы, направленной на сокрытие имущества. Обращение гражданина в суд за защитой своего реального, но нарушенного фиктивной сделкой права не образует противоречивого поведения, а, напротив, направлено на восстановление справедливости. Таким

образом, принцип эстоппель не применяется, когда он блокирует восстановление нарушенного права и защищает недобросовестность.

Обсуждение

Механизм действия принципа эстоппель в гражданском праве представляет собой особую форму правового самоограничения, при котором сама структура поведения стороны становится источником юридических последствий. Если традиционные нормы материального права связывают возникновение, изменение и прекращение прав с актами воли, то эстоппель переносит акцент на согласованность этих актов во времени, иными словами, не содержание права, а логика поведения приобретает решающее значение. Данная особенность обусловливает его уникальную роль в системе частного права: эстоппель действует не через внешнее предписание, а через внутреннюю непротиворечивость поведения, которая оценивается ретроспективно и служит мерилом доверия в отношениях сторон.

В отличие от традиционных правовых механизмов, действие эстоппеля не начинается с юридического факта, а вытекает из определенной последовательности действий, в которых одно поведение становится критерием оценки другого, и именно поэтому его реализация требует трехэтапной логики:

– на первом уровне фиксируется исходная позиция стороны – выражение воли, формирующее ожидание;
– на втором уровне происходит реализация доверия контрагентом – совершение действий, основанных на данной позиции;
– на третьем уровне наступает момент проверки последовательности: изменение позиции первой стороны после того, как вторая сторона действовала в доверии, приводит к активации механизма эстоппеля.

Следовательно, его действие строится на временной и причинной связи между поведением и доверием.

Элементарной формой реализации данного механизма в процессуальной сфере выступает ситуация, когда пассивность стороны трактуется как молчаливое согласие с доводами оппонента. Ярким примером служит решение Светлоярского районного суда Волгоградской области от 14.10.2025 по делу №2-819/2025 о взыскании задолженности по микрозайму. Ответчик, будучи надлежаще извещенной, не явилась в суд и не представила возражений против расчетов и доказательств истца. Суд, сославшись на распределение бремени доказывания, констатировал, что такое процессуальное бездействие было истолковано как признание представленных истцом обстоятельств. Тем самым молчание ответчика выполнило функцию акта воли, породившего доверие истца к бесспорности его требований, а последующая проверка последовательности выявила противоречие в виде потенциального последующего оспаривания уже признанных фактов, что привело к реализации эстоппеля – принятию судом доказательств истца как неоспоренных и достоверных.

Данная логика получила нормативное отражение в ряде положений Гражданского кодекса РФ, причем наиболее показателен п.5 ст.166 ГК РФ, в котором закреплено, что заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если лицо действует недобросовестно, в частности, когда его поведение после заключения сделки давало основания полагаться на ее действительность. Данная формулировка содержит в свернутом виде все элементы механизма эстоппеля:

1) наличие первоначального поведения (заключение сделки);
2) формирование доверия (основания полагаться на действительность);
3) недобросовестное изменение позиции (оспаривание).

Судебная практика, развивая данный подход, систематически использует эстоппель как способ блокирования противоречивых требований. Например, в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14.06.2016 по делу №306-ЭС16-606, А55-10730/2014 суд отказал в признании недействительным государственного контракта, указав, что истец сам своими действиями создал видимость правомерного исполнения и тем самым утратил право ссылаться на нарушение законодательства.

Применение эстоппеля в наследственных правоотношениях демонстрирует Апелляционное определение Верховного Суда Республики Коми от 11.09.2025 по делу № 33-4466/2025. Согласно материалам дела Ковалева В.А. в 2019 году в суде утверждала, что наследников на квартиру нет и имущество является выморочным, тогда как в 2025 году заняла противоположную позицию, заявляя о фактическом принятии наследства после смерти сына. Суд отказал в иске, применив эстоппель: первоначальное поведение истицы создало у администрации разумное ожидание, что она не будет реализовывать права на имущество, а кардинальная смена правовой позиции спустя годы нарушала принцип последовательности поведения и добросовестности.

Таким образом, механизм действия эстоппеля имманентно присутствует в нормах, предусматривающих санкцию за недобросовестность,

причем его реализация всегда контекстуальна: суд оценивает совокупность фактов, выявляя причинную связь между поведением и доверием. Как подчеркивает Ж.И. Седова, эстоппель действует не как формальная норма, а как функциональная матрица, посредством которой право восстанавливает согласованность оборота [8]. С данной точки зрения, применение эстоппеля – это не отказ в праве, а отказ в возможности извлечь выгоду из нарушения внутренней логики поведения.

Особенность механизма эстоппеля заключается также в том, что он функционирует как «отрицательное право» – лишение возможности на определенное действие вследствие ранее проявленного поведения. В отличие от позитивных прав, которые предоставляют субъекту возможность действовать, эстоппель вводит коррективу в сферу дозволенного, исключая возможность противопоставления прежних утверждений, в чем проявляется сходство с римской конструкцией «protestatio facto contraria non valet» (с лат. «протест, противоречащий собственному действию, недействителен»), которая изначально применялась для защиты правовых ожиданий. Однако современное понимание механизма эстоппеля выходит за рамки формальной преклюзии: речь идет о морально-правовой санкции, основанной на уважении к собственным действиям и на доверии к их правовым последствиям.

Следует отметить, что применение эстоппеля всегда предполагает двойную оценку поведения: объективную (со стороны разумного наблюдателя) и субъективную (исходя из конкретных обстоятельств дела). Если на объективном уровне суд оценивает, могло ли поведение стороны разумно породить доверие, то на субъективном уровне – имело ли место реальное формирование ожиданий и последующее их нарушение. Такое сочетание позволяет избежать механического применения принципа и сохранить его ценностный баланс. Как отмечает Н.В. Зайцева, эстоппель – это не санкция, а система нравственно-правового фильтра [4], которая не допускает, чтобы воля и интерес использовались произвольно и без оглядки на собственное прошлое.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о ретроспективном характере механизма. В отличие от принципов, действующих превентивно (например, добросовестность при заключении договора), эстоппель активируется постфактум, то есть при изменении позиции, что превращает его в своеобразный инструмент юридической памяти, корректирующий внутренние противоречия в поведении сторон. Применение принципа эстоппель напоминает судебный «рефлекс»: право реагирует на диссонанс между прошлым и настоящим, устраняя нарушение симметрии ожиданий, и такая реактивная природа придает эстоппелю черты гибкости и адаптивности – он не требует заранее формулированного правила, а вырабатывается как ответ на конкретное нарушение последовательности.

Существенное значение для понимания механизма эстоппеля имеет различие между его декларативной и конститутивной функциями. Если в первом случае суд констатирует, что определенное право не может быть реализовано из-за противоречивости поведения, то во втором – фиксирует правовое последствие: например, признание сделки действительной или невозможность ее расторжения. Российская практика чаще всего реализует эстоппель в декларативной форме (через отказ в защите права), однако тенденция последних лет указывает на постепенное усиление конститутивной функции: суды не просто отказывают в иске, но формируют позитивное последствие для добросовестной стороны (например, сохранение действительности договора, признание права собственности), что свидетельствует о развитии механизма от негативного фильтра к инструменту стабилизации.

В доктрине постепенно складывается представление о том, что механизм эстоппеля должен рассматриваться как элемент «внутренней регуляции обязательства». По мнению П.Д. Портяновой, эстоппель функционирует как «сдерживающий клапан» системы: он предотвращает разрушение баланса, не вмешиваясь в структуру прав и обязанностей, его действие направлено на сохранение коммуникационной последовательности между сторонами, что делает его аналогом правового эквивалента принципа обратной связи в кибернетике – система реагирует на отклонение, восстанавливая исходное равновесие, что в гражданском обороте это выражается в обеспечении доверия, которое становится фактором эквивалентности обмена [7].

Таким образом, механизм действия эстоппеля имеет трехуровневую структуру: активация (возникновение доверия), проверка (изменение позиции и выявление противоречия) и реализация (отказ в защите права или закрепление противоположного результата), при этом каждый из уровней связан с принципом добросовестности как с нормативным ядром. Право не оценивает внутренние мотивы субъекта, однако анализирует объективное выражение его поведения и именно в этом проявляется отличие эстоппеля от этических категорий. Эстоппель не требует моральной оценки, однако придает юридическое значение факту согласованности действий.

Заключение

Завершая анализ, следует подчеркнуть, что принцип эстоппель выполняет в российском гражданском правопорядке роль институционального стабилизатора, ограничивая произвольность, обеспечивая баланс между автономией и предсказуемостью, а также создавая механизм доверительной интеграции – состояние, при котором каждое поведение становится вкладом в общую устойчивость правового поля. Системный смысл заключается в том, что эстоппель не только регулирует отдельные случаи, но и формирует культурный код современного частного права, в котором последовательность поведения приобретает значение права как формы ответственности перед собственным прошлым.

Список литературы:

[1] Бурибаев Т.Н. Эстоппель как специальный механизм защиты доверия / Т.Н. Бурибаев, А.А. Гачина // Образование и право. – 2020. – №3. – С.183-191.

[2] Грибов Н.Д. Преклюзия в гражданском и административном судопроизводстве / Н.Д. Грибов // Российское правосудие. – 2022. – №3. – С.38-43.

[3] Дубинина И.А. «Эстоппель» как проявление принципа справедливости в гражданском праве Российской Федерации / И.А. Дубинина // Право и управление. – 2024. – №4. – С.89-94.

[4] Зайцева Н.В. Формирование концепции субъективного фактора в частноправовых отношениях в законодательстве России и зарубежных государств : дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.3. / Н.В. Зайцева. – Москва, 2023. – 466с.

[5] Коренченко Р.Е. Добросовестность в гражданском судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 5.1.3. / Р.Е. Коренченко. – Саратов, 2024. – 209с.

[6] Нам К.В. Эстоппель в контексте принципа добросовестности / К.В. Нам // Закон. – 2020. – №4. – С.38-46.

[7] Портянова П.Д. Дефекты института гражданско-правовой защиты: монография / П.Д. Портянова; под ред. Г.С. Демидовой. – М.: Юрлитинформ, 2022. – 158с.

[8] Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: дисс. ... д-ра юрид. наук: 5.1.5; 5.1.3. / Ж.И. Седова. – Москва, 2024. – 569с.

[9] Сорокин А.И. Процессуальный эстоппель / А.И. Сорокин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – №7-3(38). – С.137-138.

[10] Сорокина Ю.А. Эстоппель и неосуществление права / Ю.А. Сорокина // Юридические исследования. – 2020. – №3. – С.1-10.

[11] Ступин П.А. Принцип добросовестности в спорах о правах на недвижимость с участием государственных органов / П.А. Ступин // Российская юстиция. – 2024. – №10. – С.71-80.

[12] Тарасов И.А. Правила применения принципа «эстоппель» в гражданском процессе / И.А. Тарасов // International Law Journal. – 2022. – Т.5. – №6. – С.104-107

[13] Шишкина М.А. Эстоппель в делах о банкротстве / М.А. Шишкина, К.А. Беляева // Аграрное и земельное право. – 2024. – №1(229). – С.198-199.

[14] Якушева Е.Е. Принцип эстоппеля в гражданском праве как механизм предотвращения противоречивого поведения / Е.Е. Якушева // Lex Russica (Русский закон). – 2023. – Т.76. – №8(201). – С.52-66.

[15] Яхимович А.В. Некоторые аспекты проблемы доказывания estoppel в гражданском судопроизводстве / А.В. Яхимович // Законодательство. – 2021. – №8. – С.42-47.

[16] Яхимович А.В. Эстоппель в гражданском судопроизводстве: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / А.В. Яхимович. – Москва, 2022. – 226с.

References:

[1] Buribaev T.N. Estoppel as a special mechanism for protecting trust/T.N. Buribaev, A.A. Gachina// Education and law. – 2020. – №3. - P.183-191.

[2] Gribov N.D. Preclusion in civil and administrative proceedings/N.D. Gribov//Russian justice. – 2022. – №3. - S.38-43.

[3] Dubinina I.A. “Estoppel” as a manifestation of the principle of justice in civil law of the Russian Federation/I.A. Dubinina//Law and management. – 2024. – №4. - S.89-94.

[4] Zaitseva N.V. Formation of the concept of subjective factor in private law relations in the legislation of Russia and foreign countries: diss.... Dr. Jurid. Sciences: 5.1.3 ./N.V. Zaitseva. - Moscow, 2023. - 466s.

[5] Korenchenko R.E. Good faith in civil proceedings: diss.... cand. jurid. Sciences: 5.1.3 ./R.E. Korenchenko. - Saratov, 2024. - 209s.

[6] Nam K.V. Estoppel in the context of the principle of good faith/K.V. Nam//Law. – 2020. – №4. - S.38-46.

[7] P.D. Portyanova. Defects of the Institute of Civil Protection: monograph/P.D. Portyanova; ed. G.S. Demidova. - M.: Yurlitinform, 2022. - 158s.

[8] Sedova J.I. The international legal principle of good faith as the basis for the regulation of private law relations: diss.... Dr. Jurid. sciences: 5.1.5; 5.1.3 ./Zh.I. Sedova. - Moscow, 2024. - 569s.

[9] Sorokin A.I. Procedural estoppel/A.I. Sorokin//International Research Journal. – 2015. – №7-3(38). - P.137-138.

[10] Sorokina Yu.A. Estoppel and non-exercise of law/Yu.A. Sorokina//Legal research. – 2020. – №3. - S.1-10.

[11] Stupin P.A. The principle of good faith in disputes over real estate rights involving state bodies/P.A. Stupin//Russian Justice. – 2024. – №10. - S.71-80.

[12] Tarasov I.A. Rules for the application of the principle of "estoppel" in civil proceedings/I.A. Tarasov//International Law Journal. – 2022. - T.5. – №6. - P.104-107

[13] Shishkina M.A. Estoppel in bankruptcy cases/M.A. Shishkina, K.A. Belyaeva//Agrarian and land law. – 2024. – №1(229). - P.198-199.

[14] Yakusheva E.E. The principle of estoppel in civil law as a mechanism for preventing contradictory behavior/E.E. Yakusheva//Lex Russica (Russian law). – 2023. - T.76. – №8(201). - S.52-66.

[15] A.V. Yakhimovich. Some aspects of the problem of proving estoppel in civil proceedings/ A.V. Yakhimovich//Legislation. – 2021. – №8. - S.42-47.

[16] Yakhimovich A.V. Estoppel in civil proceedings: diss.... cand. jurid. Sciences: 12.00.15/A.V. Yakhimovich. - Moscow, 2022. - 226s.

